

Ирина ЯЗЕВА: «Женские руки – не для военного строительства»

Нашего брата-журналиста Ирина Викторовна Язева не жалуется. Есть для этого причины как личного, так и глобально-общественного порядка. Естественно, что за добрый десяток лет специалисты «с лейкой и блокнотом» основательно утомили единственного в истории всей России военного комиссара, имеющего честь принадлежать к прекрасной половине человечества. Что же касается глобальных причин, то тут немалую роль сыграл определенный негативизм, который в последние лет двадцать проявлялся в наших СМИ по отношению к армии. Однако невозможно было на стыке двух праздников – Дня защитника Отечества и 8 Марта – не уделить внимания столь неожиданному обороту темы. Женщина в армии – обычное дело? И если нет, то что же в этом необычного?

– Ирина Викторовна, какие повороты судьбы привели вас не просто в армию, но и в кресло военного комиссара?

– В Советском Союзе, и особенно в Вооруженных силах той страны, очень многое зависело от воли случая. Наоборот, для того, чтобы начать службу, мне пришлось довольно долго ждать решения военного руководства о моем призыве и назначении.

– Ваше образование как-либо способствовало тому, что вы связали свою жизнь с армией?

– Нет, основное образование у меня совершенно мирное – я закончила наш педагогический тогда еще институт. В моем дипломе значится: преподаватель русского языка и литературы. Если кто помнит, в восьмидесятые годы найти работу по этой специальности было очень непросто.

В какой-то степени армия в моей жизни возникла несколько неожиданно. Я сначала работала в военкомате на гражданской должности. И даже мое намерение стать военнотрудовой не все решало: последнее слово оставалось за командованием. В начале восьмидесяти третьего года пришло письмо о моем назначении за подпись министра обороны...

– Наверное, это письмо не подразумевало назначение сразу на должность военного комиссара?

– Конечно. Я начала службу в звании лейтенанта – помощником начальника отделения. И за это время успела послужить во многих районных военных комиссариатах: Ленинском, Заволжском, Ярославском... Военным комиссаром Ярославского района я стала в двухтысячном году.

– Бытует мнение, что карьеру в армии женщине сделать гораздо сложнее, чем мужчине. Получается, что это не так?

– Почему же, это именно так. Сравните соотношение мужчин и женщин в правительстве, Думе... Вообще на высоких должностях. Все как в гражданской жизни.

– Именно поэтому женщины на таких должностях и привлекают к себе внимание. Другой вопрос, что военком – человек, волею судьбы вынужденный много и обстоятельно беседовать с солдатскими матерями и матерями призывников. И тут уж у женщины-военкома получается совсем другая служба, нежели у мужчин.

– Да, в начале моей карьеры некоторые матери действительно



больше напирала на материнский инстинкт.

– «Вы мать, и вы должны понять...»

– Именно так. Только нужно иметь в виду, что абсолютно все офицеры военкоматов имеют отношение к работе по призыву. Эта практика существует уже более десяти лет. Поэтому нельзя сказать, что вопросы призывников сводились именно к моему участию. Это к тому, что с призывниками, с их семьями, с их учителями и близкими людьми я работала задолго до того, как стала военкомом.

– Но самые-то острые вопросы так или иначе сходились именно на вас...

– А что такое «острые вопросы»? Военком действительно, основываясь на большом объеме информации о призывнике, принимает окончательное решение о том, где будущему солдату предстоит проходить службу. У родителей свои резоны. К примеру, нельзя забывать, что Ярославский район – сельский, и часто приходилось слышать, что лучше «забираться» (странное слово, не находите?) сына после окончания сельхозработ. Но резоны – резоны, а законы – законами... Я старалась больше объяснять, что

смысле женщине проще работать военкомом...

– Хорошо, с призывниками и их мамами вы разобрались. Но были еще и подчиненные, в массе своей – мужчины. Ими тоже нужно было управлять. Еще Жванецкий сомневался в том, можно ли нашими людьми без мата руководить...

– Нужно. Более того, как раз нашими-то людьми (особенно – мужчинами) и нужно руководить без мата и без крика. Потому что иначе получается уже не руководство, а самоутверждение, в котором я абсолютно не нуждаюсь и не нуждалась никогда. Более того, в общении с подчиненными я старалась уходить от званий, обращаясь в основном по имени-отчеству. Это позволяло, с одной стороны, сгладить дистанцию между нами, но и не препятствовало субординации.

– Имеется в виду ваше армейское вышестоящее руководство?

– Не только и даже не столько оно, сколько руководители гражданских структур. Район – огромная система, и военному приходится лично общаться по службе с директорами школ, совхозов, дошкольных учреждений, боль-

ниц... Для мужчин, которые любят идти напролом, это чаще бывает сложнее, чем воевать, например.

– В числе руководителей вы упомянули директоров дошкольных учреждений. С ними-то как военком пересекается?

– Это опять-таки достаточно распространённый стереотип. Почему-то считается, что военкоматы заинтересованы только в выполнении плана призыва. Но призывник в той части, в которой он готов к несению службы, – окончательный результат работы военкомата. Начало же ее – как раз в детском саду, в семье, в начальной школе. Потому что именно там закладывается ощущение Родины. И только спустя много лет оно превращается (если превращается) в осознанную необходимость этой Родине служить. Чтобы заботеть охранять свою Родину, нужно ощутить потребность охранять гнезда птиц.

– Конечно, сельскому школьнику проще научиться охранять гнезда птиц – его городской сверстник порой и травы-то нормальной не видит. Но значит ли это, что сельские парни лучше приспособлены к службе в армии?

– Я не очень люблю усреднять понятия «сельский человек», «горожанин»... Не скажу, что это громадная пропасть: все очень индивидуально. Конечно, специфика есть, но говорить о том, что кто-то лучше, а кто-то хуже, я бы не стала. Там, где горожанин берет свое за счет более разносторонней эрудиции и физической тренированности, сельский парень оказывается лучше приспособленным к службе в силу своей психологической устойчивости, более цельного восприятия действительности...

– Что касается действительности, это как?

– К примеру, сельские дети всегда здороваются со всеми (в том числе и незнакомыми) взрослыми. Поэтому в армии они легко и без внутренних усилий осваивают необходимость приносить ответственность старшего по званию. Мелочь, но мелочь весьма показательная.

– Ну, хорошо, сегодня вы уже не военком. С позиций своего немалого опыта службы можете ли вы сказать, из-за чего появление женщин в армии стало необходимым?

– В то время, когда я призывалась, существовали объективные причины. Армия была огромной, и часть мужских рук необходимо было освободить за счет замещения тех должностей, с которыми справились бы и женщины. Для того, чтобы вложить в эти мужские руки реальное оружие. В то время женщин призывали на службу в качестве связисток, медиков, служащих строевых частей... Сегодня ситуация принципиально иная: социальных гарантий у военнослужащих не осталось, должностной оклад вызывает преимущественно досаду (если не более яркие чувства), и мужчина, считающий себя главой семьи, добытчиком и кормильцем, просто не идет служить, зарабатывая средства другими путями. Освободившиеся места занимают женщины, менее требовательные к условиям работы. Это не значит, что я отвергаю женскую службу в принципе. Но я бы хотела все-таки, чтобы русские женщины меньше и реже занимались этим тяжелым трудом – военным строительством, а больше и чаще воздавали должное дому, семье, детям, любимым людям.

Беседовал
Анатолий КОНОНЕЦ.